

ОТ КУЛЬТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ ПРИСУТСТВИЯ

1. Название книги Освальда Шпенглера «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes») стало своеобразным эпиграфом интеллектуальных размышлений XX века о судьбах европейской культуры и цивилизации. Лучшие умы XIX века жили с идеей, что возможно решение всех проблем человеческого общества, что развитие науки и техники дает этому полную гарантию, что есть истинные ценности, которые, в конце концов, смогут убедить всех и стать основанием счастливой жизни. Но мировые войны XX века, лагеря смерти, угроза ядерной катастрофы, экологические кризисы, – все это и подобное этому заставило лучшие умы XX века усомниться в возможности легкого решения проблем человеческого общества и в возможностях культуры. «Освенцим доказал, что культура потерпела крах», – утверждает Теодор Адорно. «После Освенцима любая культура вместе с любой её уничижительной критикой – всего лишь мусор», – заключает он¹. Не стало ли такое отношение к культуре причиной того обращения с ней, которое получило название «постмодернизм»? Постмодернизм, как его обычно представляют: идейная и стилевая свобода – теперь нет никаких канонов (Бог умер!); аллюзии, цитаты, ремейки – теперь нет автора (Смерть автора!); сочетание этого или того с чем угодно – теперь нет гармонии (Ризома!); постоянное беспокойство, тревога – что-то наступит, что-то грядет (В ожидании Годо!). Но за стилистическими симптомами явно скрываются какие-то более серьезные культурные процессы. Это процессы революционных сдвигов в культуре, изменения доминантных установок культуры Просвещения, или культуры модерна.

2. Культура Нового времени (культура модерна), утвердившаяся в результате многоходовой культурной революции – Возрождение,

---

¹ Адорно Т.В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. С. 327

Реформация и Просвещения, выстроила стройную и ясную картину жизни общества и человека.

Эта картина включала:

- четкое разделение видов деятельности – разделение труда в материальном производстве, специализацию в науке (становление дисциплинарной науки), разделение видов искусства и т.п.;

- нормативную, согласно определенной логике, организацию каждого вида деятельности – философия (Бэкон, Декарт, Кант, Гегель) определили методы и логику науки, «Грамматика Пор-Рояля» структурировала язык, «Хорошо темперированный клавир» Баха упорядочивал музыкальный язык, «Поэтика» Бауло утвердила метод классицизма в искусстве (после чего возникает само представление о художественном методе), правила Баррема регулируют бухгалтерский учет и т.п.;

- монолог разума, который признается распорядителем и носителем единственной для всех Истины (разум оказывает уважение только тому, «что может устоять перед его свободным и открытым испытанием» [Кант], «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно» [Гегель]);

- утилитарность и частный интерес доминируют над ценностями: польза или отношение к пользе выступает конечным оправданием всякого действия («Принцип полезности не требует и не признает никакого другого регулятора, кроме самого себя» [И. Бентам]).

Человек в таком образом организованной культуре становится подчиненным тем видам деятельности, опыт и содержание которых определяют смыслы и ценности культуры. Регламентируя методы и логику деятельности в различных областях жизни, культура модерна создает определенное, цельное и единое *представление* о мире и человеке, в этом мире действующем. Мир, *представленный в знании*, это мир Канта (вспомним его коперниканский переворот), это мир культуры Просвещения. Репрезентантом этого мира становится хорошо построенный текст. Текст *представляет* человеку Просвещения мир, в котором он живет. Научный

текст – законосообразный мир природы, художественный текст романа – мир семейной и общественной жизни, живопись (текст картины) – мир вещей и вид человека, музыка (текст музыкальной пьесы) – чувства и настроения человека. Идеи автора текста представляют логику разума, красоту, справедливость и нравственные идеалы жизни человека. Правильное восприятие этих идей направлялось и контролировалось критиками и системой образования. Материальной формой существования *культуры представления* становится печатная книга – мир Гутенберговой галактики, как выразился Маршал Маклюэн. Воспроизводимость и повторяемость печатного текста укрепляли представление о постоянстве истины и существовании всеобщего интереса.

Результатом действия культуры модерна становится человек, идентифицирующий себя благодаря полученным представлениям с определенным сообществом (нацией, классом/стратой, государством), владеющий определенными знаниями, навыками и умением распоряжаться собственным умом (*Sapere aude!* – призыв Канта), действующий свободно согласно познанной необходимости. В 1862 году Томас Гексли так выразил представление о достойном представителе культуры Просвещения: «Только тот, я думаю, может говорить, что получил образование свободного человека, кто с юности приучил свое тело быть послушным слугой своей воли и в силах легко и с радостью выполнить, как машина, всю работу, на которую он способен; чей ум ясен, холоден, подобен счетному механизму, где все части работают в такт и с одной отдачей; кто готов, словно паровой двигатель, найти себе применение в любой работе...»².

Конечно, это идеализированный образ жителя галактики Гутенберга, но он высвечивает культурно-генетический код понимания свободы человеком Просвещения: свобода достигается через знание объективной необходимости и утверждение разумной действительности. И представление об этом в изобилии предоставляла книжная галактика. Цивилизационный прогресс и

---

² Цит. по: Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Пер. с англ. А. Юдина. – Киев: Ника-центр, 2003. С. 254.

свобода в обществе, несомненно, неотделимы от мышления эпохи Просвещения, которое утверждается культурой модерна. Но в то же время это мышление стало причиной саморазрушения Просвещения, по выражению Хоркхаймера и Адорно, которые показали, что «понятие именно этого мышления, ничуть не в меньшей степени чем конкретные исторические формы, институты общества, с которыми оно неразрывно сплетено, уже содержит в себе зародыш того регресса, который сегодня наблюдается повсюду»³.

Сегодня же, спустя более полувека с того момента, как были сказаны эти слова, европейская культура ищет способы преодоления того кризиса, в котором оказалась культура Просвещения.

3. Направление этого поиска связано с возвращением человеку технической цивилизации и бюргерского (городского/буржуазного) общества отчужденной от него свободы. Это выражается в том, что культура начинает разрушать перегородки, разделяющие смыслы, ценности и виды деятельности.

Современная культура

- перестала быть культурой отраслей, это культура мозаичная (А. Моль), что прямо демонстрирует экран телевизора в каждом доме;
- алеаторическая, а не нормативная: случай часто играет решающую роль как при организации, так и при реализации деятельности;
- диалога сознаний, а не монолог разума определяет Истину и Ценность;
- не польза, а действие *a recentiori* (по ситуации, из ситуации) управляет человеком, уникальность и индивидуальность становятся доминирующими ценностями.

Человек в так организованной культуре оказывается перед необходимостью самому организовывать своё действия, ориентируясь на требования конкретной ситуации. *Присутствие* здесь и сейчас, ситуация в её

---

³ Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. Пер. с нем. М. Кузнецова. М.-СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. С. 10-11.

конкретности, а не *представление* и знание о повторяющихся обстоятельствах становится основанием действия в современной культуре. Мир представлений – это мир, в котором жизнь опосредована представляющими её текстами. А мир присутствия – это мир, в котором жизнь выражает себя событиями. Это два разных типа культуры, два разных способа быть.

На философском уровне значимость присутствия человека в мире выразил М. Бахтин экзистенциалом «моего не-алиби в бытии»: «Единственность наличного бытия – нудительно обязательна. Этот факт *моего не-алиби в бытии*, лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка, **не узнается и не познается мною**, а единственным образом **признается и утверждается**»⁴. Обратим внимание – не узнается и познается, а признается и утверждается, т.е. *моё не-алиби в бытии*, моё *присутствие* не открывается мне кем-то или чем-то (знанием, традицией, правилом), а заявляется и признается. Спустя 80 лет после Бахтина, в 2004 году в ставшей популярной книге под названием «Производство присутствия» Ханс Ульрих Гумбрехт скажет, что в современной культуре «интерес сместился с опознания значений (с «толкования») к проблемам связанным с возникновением значения как на конкретно-историческом, так и на метаисторическом уровне»⁵, где возникновение значения увязывается с определенными ситуациями. На уровне обыденного сознания и повседневного поведения значимость присутствия обнаруживает себя самыми распространенными вопросами, с которых начинается разговор по мобильному телефону: «Ты где?» или «Можешь говорить?»⁶.

---

⁴ Бахтин М.М. К философии поступка (публикация и вступительная заметка С.Г. Бочарова, примечания С.С. Аверинцева) // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1094-1985. – М.: Наука, 1986. С. 112. (Курсив Бахтина, выделено полужирным мною – В.К.)

⁵ Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. - М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 26.

⁶ Итальянский философ Маурицио Феррарис в своей книге «Ты где? Онтология мобильного телефона» справедливо заключает, что «в “бытии у телефона” кроется проблема *вездесущности* и *индивидуальности*: повсюду (вездесущность) могут найти тебя и только тебя (индивидуальность)», что «без преувеличения можно присвоить телефону [мобильному – В.К.] характеристику “быть всегда моим” (*Jemeinnikeit*)»

Направленность деятельности современной культуры выстраивается так, чтобы постоянно ставить человека в ситуацию присутствия, где он вынужден заявить себя и выбрать адекватное данной ситуации поведение. Поскольку ситуации всегда конкретны, всегда чем-то различаются, то действие человека не может строиться на основе устоявшихся норм, трафаретов, а требует гибких алгоритмов, изобретательности, инноваций, проникновения в смысл данной ситуации, понимания данной ситуации как точки здесь-и-сейчас, куда сходятся в это мгновение все силы мира. Конкретность ситуации (окружения) ставит перед действием вопрос не «что?», а «как?». Индивидуальность, как характеристика личности, а также уникальность, оригинальность как характеристики произведений культуры приобретают статус ценности в культуре присутствия.

4. Становление ценности индивидуальности в современной культуре открывает её исторический смысл. Культура присутствия должна быть понята как реализация нового варианта культуры модерна. Это не то, что принято называть постмодерном. Постмодернизм возник как определенное стилевое направление, которое отказалось от «чистоты» стиля – это мозаичность стиля, в которой отразился а-отраслевой характер современной культуры. Современный этап развития европейской культуры (а российская культура является национальной формой ее существования) не начался с появления постмодернистских произведений, он начался гораздо раньше. Становление современного состояния культуры, которая модифицирует идею частного интереса человека культуры модерна в идею личностного, индивидуального устремления человека культуры *нового* модерна, происходит в форме новой культурной революции, которая подобна новоевропейской революции, утвердившей культуру модерна.

Первый шаг этой новой культурной революции – возрождение идеи свободы человека, который не скован никакими ограничениями. Эту идею

свободы разрабатывает в своей философии Фридрих Ницше, связывая ее с образом сверхчеловека, для которого единственным оправданием действия является сила утверждения самой жизни. Ницше, как и гуманисты эпохи Ренессанса, обращается к античности, но не к традиции Аполлона, которая опирается на силу формы, а к традиции Диониса, которая отдает первенство силам стихии и страсти. Ницше акцентирует те моменты в содержании свободы, которые были свойственны и гуманистам Возрождения, но которые были выхолащены рационализмом Просвещения. Это отмечает Томас Манн, говоря, что философия Ницше призывала «прийти к новому, более глубокому пониманию гуманизма, чуждому самодовольной ограниченности, отличающей гуманизм буржуазной эпохи»⁷. Не случайно ницшеанская традиция стала одним из истоков нового обновления культуры – нового модерна конца XIX - начала XX веков.

Но новая культурная революция требует и «реформации» господствующей сферы в культуре. А таковой в культуре Просвещения была сфера науки, которая отвечала за сохранение и оправдание представления истины и рационализма. Именно внутри самой науки должно было возникнуть новое отношение к истине и рациональному мышлению. И такое новое отношение в науке возникло благодаря теории относительности Эйнштейна и квантовой физике. Сама наука показала, что нет единственной истины, что то, что логично для макромира, оказывается не логично для мира элементарных частиц. Физики начала XX века выступили не только реформаторами науки, но реформаторами самой сферы сознания, что было подхвачено искусством и литературой. Не случайно художники и писатели начала XX века постоянно ссылаются на достижения новой физики.

Что же окажется третьим шагом утверждения культуры нового модерна? Просвещение XVIII века закрепило за наукой, основанной на рациональности *cogito*, представленной чистым разумом Канта и наукой логикой Гегеля, и

---

⁷ Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта // Манн Т. Собр. соч. в 10-ти тт., т. 10. – М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1961. С. 389.

«просвещением ума», основанным на освоении правил обращения с полученным знанием, институциональную ответственность за утверждение в культуре первого модерна единой истины и свободы, основанной на знании и представлении необходимости. А какая институция или сфера культуры возьмет на себя ответственность за утверждение индивидуальности?

5. Индивидуальность, конечно, формируется в определенном окружении, но смысл её заключается в том, что её бытие самодостаточно, что она свободна в своих проявлениях, что эти проявления всегда её. Свобода – вот поле утверждения личностного своеобразия. Культура первого модерна (культура Просвещения) открыла свободу как понимание и осмысленное использование необходимости, необходимость контролировала свободу⁸, культура нового модерна (культура присутствия) добавляет к этому новый мотив – в рамках какого пространства человек может делать что угодно или быть каким угодно⁹, т.е. где пределы свободы. Присутствие, которое культивируется современным этапом развития культуры, предъявляет человеку определенные требования. Он должен предъявить или проявить себя – либо открыть свое имя, либо прикрыться маской (в сети – ник, аватар). И в том, и в другом случае индивид вступает в зону ответственности, определяемую его собственным поступанием. «Мое не-алиби в бытии» – это всегда влияние на мир. До каких границ я могу дойти в этом влиянии? Известный художник актуального искусства Марина Абрамович провела в 1974 г. свой знаковый перформанс-испытание «Ритм 0»: «Делайте все, что угодно с моим телом предложенными предметами – от ножниц до

---

⁸ Б. Спиноза: «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой» (Спиноза «Этика» / Спиноза Б. Избр. произведения в 2-х тт. Т.1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 362.

⁹ И. Берлин о двух значениях свободы: «Первое из этих значений или смыслов, которое, следуя множеству прецедентов, я называю «негативным», содержится в ответе на вопрос: «Велико ли пространство, в рамках которого человек или группа людей может делать что угодно или быть таким, каким хочет быть?» Второй смысл, называемый мною «позитивным», возникает в ответе на вопрос: «Где источник давления или вмешательства, которое заставит кого-то делать то, а не это или быть таким, а не другим?» Вопросы эти различны, хотя ответы на них могут частично совпадать» (Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 126). Правда, Берлин, отвечая на эти вопросы, считает, что границы пространства свободы устанавливает не тот, кто пользуется свободой, а некая внешняя для него сила, потому и здесь свобода ограничена (подчинена) необходимости.

заряженного пистолета». Зритель/участник перформанса оказывается в ситуации испытание его свободы. До каких границ я могу дойти, «делая, что угодно»? Это вызов свободы – на что ты решишься! «Человек *не должен* быть свободным, он *обречен* на свободу!» – заявляет Сартр. Значит, появляется новое отношение к свободе, отношение переживания самой свободы, осмысление того, *что* значит для человека свобода, *что* значит для него та новая ситуация, которая не требует долга, а предъявляет ему себя как открытая возможность действия – «Бери от жизни всё!». Это испытание свободы, *вызов свободы*.

Дать ответ на этот вызов – вот задача новой культуры, которая идет на смену культуры Просвещения. В культуре Просвещения свобода – это ответ на зов необходимости, знание необходимости и действие сообразно с нею было гарантией свободы. Для нового варианта культуры модерна, для модерна не в варианте представления, а в варианте присутствия – ответ на вызов свободы укоренен в том *опыте свободе*, которым владеет человек.

Где и как приобретается опыт свободы? Он приобретается тогда, когда человек ставит свои действия в отношении к пределу, в отношении к преодолению границ как испытанию своих возможностей и способностей. Свобода – это напряжение трансгрессии, это способность видеть пределы, к которым устремлены и которыми заряжены твои действия.

Как это может быть реализовано? Вряд ли можно представить себе некий методический комплекс, который указывал бы на конкретные практики, однозначно ведущие к достижению искомой цели. Ясно, что опыт свободы является не просто личностным опытом, но и опытом глубоко индивидуальным, который приобретается в процессе самой индивидуации. Культивирование способности распознавания индивидуации и понимание ее ценности и должно определять логику действия современной культуры.

Если текст в форме печатной книги (галактика Гутенберга) создал идеальные условия для утверждения культуры представления, то появление «книги лиц» – «*Facebook*», и галактики новых информационных технологий

(галактика Цукурберга) создает новое пространство, требующее непосредственного присутствия действующего индивида, провоцирует новую культуру, которая способна заселить это пространство.